

УДК 327:05/07(52)(091)

Культурные преобразования японцев в Маньчжурии: свидетельства современников^{*}

В. М. Фоменко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена колониальной политике Японии в Маньчжоу-Го в сфере культуры (1932–1945 гг.). На основе воспоминаний очевидцев показано, какие преобразования сделаны японцами в отношении образования, кинематографии, медицины.

Ключевые слова: Маньчжоу-Го, колониальная политика Японии, образование, кинематография.

На сегодняшний день японо-китайские отношения переживают очередной кризис, поводом к которому послужил спор о принадлежности островов Сэнкаку. Когда две страны постоянно находятся в натянутых отношениях и имеют претензии друг к другу, сложно адекватно оценить прошлое, а именно японскую кампанию в Маньчжурии 1932–1945 гг. Проводя колониальную политику в Китае, используя территорию и население в своих интересах, Япония вынуждена была проводить здесь определенные преобразования, модернизацию. Это касается разных сфер жизни и деятельности. Одной из таких сфер была культура. Что же принесла Япония в Китай за время существования прояпонского государства? В настоящей статье сделана попытка рассмотреть японские нововведения в системе образования, приобщение китайского народа к киноискусству, в конце концов, организацию системы медицинского обслуживания. Правительство и население Поднебесной вообще не дают японской политике никаких оценок, кроме негативных. Хотя вклад японцев все же очевиден. В любом случае, с конца XIX до середины XX в. Китай находился в жалком положении, за него шла борьба ряда великих держав, в том числе и Японии. Уже было ясно, что Китай пал, оставалось только разделить лакомые куски. На наш взгляд, Китаю повезло, что Маньчжурию заняли именно японцы, а не европейцы. В данной статье мы ставим перед собой задачу: основываясь на воспоминаниях очевидцев разных национальностей, «измерить» вклад японцев в развитие Маньчжурии через обогащение ее населения знаниями. Поскольку мы берем во внимание воспоминания представителей разных кругов, начиная от простых китайцев и русских преподавателей и заканчивая итальянским разведчиком, находившемся на службе у японцев, полагаем, что они достаточно репрезентативны.

^{*} Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития ИГУ, тема P121-МИ-001.

Япония всегда славилась высоким уровнем грамотности населения. На сегодняшний день он составляет 99 %. Во время существования прояпонского государства Маньчжоу-Го ситуация едва ли отличалась от сегодняшней. Насколько японцы могли обогатить китайский народ знаниями? Схожесть по расовому признаку, географическая близость, милитаризация жизни Страны восходящего солнца способствовали этому. Для того, чтобы население Маньчжурии воспринимало японцев и их нововведения спокойно, необходимо было объяснить смысл основания государства Маньчжоу-Го, философию его существования.

Японцы сделали это достаточно грамотно. Философия их политики была непосредственно связана с историческим прошлым Китая. В XVI–XVII вв. китайцами были захвачены племена маньчжур и насильственно включены в состав Китая. Японцы же разъяснили, что с образованием государства Маньчжоу-Го они дают маньчжурам историческое право на свободу и на самостоятельность. При этом японцы не отрицали, что с помощью вновь созданного государства они планируют решить ряд своих задач. В данной статье мы не затрагиваем милитаристские планы японцев, а фокусируем свое внимание только на культурно-образовательных аспектах.

С образованием в 1932 г. Маньчжоу-Го началось активное приобщение населения Маньчжурии к «высокому». Главным двигателем нововведений в культурной жизни Маньчжурии было созданное японцами общество «Кио-ва-кай». Основной задачей этой организации была пропаганда среди населения Маньчжурии смысла существования этого государства. Программа деятельности «Кио-ва-кай», утвержденная на заседании центрального бюро общества, провозглашала следующее: «Являясь единственной, единой и перманентной, всегосударственной общественной практической организацией в Маньчжоу-Го, “Кио-ва-кай” ставит миссией и задачей себе, действуя в тесном единении с Правительством Империи: 1. Поднять на должную высоту Дух Основания Государства. 2. Реализовать мирное сотрудничество всех племен в Империи. 3. Повысить экономический стандарт жизни и культурный уровень народа. 4. Содействовать широкому воплощению в государственном управлении морали и гуманности. 5. Завершить национально-государственную мобилизацию и тем самым реализовать идеалы Основания Государства и торжество мира» [5, с. 168].

Из вышеизложенной программы общества отчетливо видно, что японцы стремились не только достичь своей паназиатской идеи, но и дать должный толчок в развитии населению Маньчжурии. На наш взгляд, это было выгодно, прежде всего, самим японцам, поскольку для воплощения паназиатской мечты одних образованных японцев было недостаточно. Китайцы, маньчжуры также должны были сослужить свою службу. Поэтому одной из первых задач, поставленных перед обществом, было повсеместное создание образовательных учреждений. Школы были разнонаправленными и некоторые разделены по национальному признаку. Деление по национальному признаку требовалось в связи с разным уровнем подготовки учеников и, конечно, разными языками. Во всех школах стали изучать японский язык и культуру

Японии. Детям разъяснялись истоки единения пяти дружественных народов, также рассказывалось о соседних провинциях Китая. По воспоминаниям одной китайки, «в школе маму учили, что она живет в стране Маньчжоу-Го и что соседние государства – это две китайские республики: одна – враждебная, во главе с Чан Кайши, другая – дружественная, во главе с Ван Цзинвэем, японским марионеточным правителем восточных провинций Китая. Ей и в голову не приходило, что Китай – единое государство, а Маньчжурия – его часть» [11, с. 145]. Такая трактовка объясняется тем, что необходимо было воспитать новое поколение на совершенно новых идеологических устоях. Школьников воспитывали как законопослушных подданных государства Маньчжоу-го. Японцы жестко контролировали систему образования. После четвертого класса все предметы преподавались только на японском языке, государственным языком тоже был японский. «Одной из первых песен, которые выучила моя мама, была такая:

Красные мальчики и зеленые девочки идут по улицам,

Все они говорят, как хорошо жить в Маньчжоу-го.

Тебе хорошо и мне хорошо,

Люди мирно живут и радостно трудятся без горестей и забот.

Учителя твердили, что Маньчжоу-го – это рай на земле» [11, с. 146].

Школы часто посещали высокопоставленные чиновники; как и принято у восточных людей, вся процессия сопровождалась церемониалом. Вот как это описывает дочь китайской школьницы: «11 сентября 1939 г. в Цзиньчжоу с официальным визитом прибыл император Маньчжоу-Го Пу И с супругой. Маме, ученице второго класса начальной школы, доверили преподнести цветы императрице, она хорошо училась и была маньчжуркой. На ярко украшенном помосте собралась большая толпа с желтыми флажками Маньчжоу-Го. Маме дали большой букет, и она, преисполненная чувства собственной значимости, стояла рядом с духовым оркестром и группой высокопоставленных лиц в визитках. Подле нее с надменным видом застыл мальчик примерно ее лет с букетом для Пу И. Как только показалась императорская чета, оркестр грянул гимн Маньчжоу-Го. Все встали по стойке “смирно”. Мама вышла вперед и сделала реверанс, сумев сохранить равновесие несмотря на тяжелый букет. На императрице было белое платье и изящные белые перчатки до локтей. Мама подумала, что она прекрасна. Ей удалось украдкой взглянуть на Пу И, одетого в военную форму» [11, с. 151].

В книге «Последний император» Пу И также писал, что ему частенько приходилось присутствовать на школьных церемониях в честь начала нового учебного года или другого праздника.

Обычно школьный церемониал проходил так: «Директор школы выкрикивал четырежды поклониться на четыре стороны. Сначала: “Дальний поклон столице империи!” – в сторону Токио. Потом: “Дальний поклон столице страны!” – в сторону Синьцзина (столицы Маньчжоу-го). Затем: “Верноподанный поклон Небесному Императору!» – т. е. императору Японии. Четвертое «Верноподанный поклон императорскому портрету!» – портрету Пу И. Следом шел более легкий поклон учителям».

Большое внимание уделялось культурному воспитанию подрастающего поколения. Прежде всего, деятельность была направлена на развитие самобытной культуры нового государства на основе духа «Кио-ва-кай». Для этого в городах поддерживался контакт с музыкальными, театральными, литературными организациями. Осуществлялся выпуск городских газет, описывающих произошедшие культурные события. Открывались клубы по ликвидации безграмотности. В области здравоохранения общество стремилось оказать населению содействие в деле снабжения его дешевыми лекарствами и медицинскими препаратами в борьбе с эпидемиями и опиокурением, в каком-то смысле заботясь о здоровье молодежи. Общество осуществляло руководство бытовыми сторонами жизни населения, а именно проводило кампании по упрощению погребальных церемоний и свадебных обрядов [5, с. 178].

Однако существуют и противоположные мнения. Например итальянский разведчик Амлето Веспа, служивший на японцев, отмечал: «Японские торговцы наркотиками проникли даже в школы. Они платят молодым наркоманам премию за каждого “новообращенного” будущего раба» [4, с. 170]. На наш взгляд, Веспа преувеличивает, поскольку в воспоминаниях русских, китайских врачей, работавших в Маньчжурии, ни разу не описывается, что к ним за помощью обращались наркозависимые люди, тем более школьники.

В школах мальчики и девочки получали разное образование. Из девочек воспитывали «изящных жен и добрых матерей», как гласил девиз школы. Они учились тому, что японцы называли «путем женщины»: ведению хозяйства, стряпне, шитью, чайной церемонии, икебана, вышиванию, рисованию и искусству наслаждаться прекрасным. Главное умение, которое прививалось, – это умение нравиться собственному мужу: одеваться, причесываться, кланяться, а прежде всего беспрекословно повиноваться. Как писал современный японовец Мещеряков в «Книге японских обыкновений», «в Японии до сих пор можно увидеть в продаже символы женской добродетели – это три обезьянки, одна из которых с закрытыми ушами; другая – с закрытыми глазами, третья – с закрытым ртом» [8, с. 48].

Некоторые экзамены для девочек представляли собой практические задания, например, приготовить какое-нибудь блюдо или расставить в вазе цветы. Экзаменационная комиссия состояла из местных чиновников, китайцев и японцев, и они оценивали не только результаты экзаменов, но и самих девушек. Их фотографии в нарядных фартучках, сшитых собственными руками, висели на доске рядом с их характеристиками. Японские чиновники часто присматривали там себе невест, потому что браки между японскими мужчинами и местными женщинами поощрялись. Некоторых девушек выбирали для отправки в Японию, где выдавали замуж за мужчин, которых они никогда не видели. Нередко девушки, точнее их семьи, бывали этому рады.

Японцы тратили немалые деньги на построение системы образования, в том числе на работу с приезжими учениками и командирование своих учеников за рубеж. В связи с укреплением дружественных отношений между Маньчжоу-Го и Турцией и упрочением их связей на почве религии и культуры институт мусульманской культуры в Мукдене командировал для продол-

жения образования в священные мусульманские земли Турции 5 маньчжурских учеников [2, л. 34]. Также частым явлением стала организация экскурсий для школьников из юго-восточного Китая с ознакомительной целью – японцы хотели показать, как им удалось наладить жизнь в Маньчжурии. Японское телеграфное агентство «Кокуцу» сообщило, что 25 апреля 1939 г. в Синдзин прибудет группа из 45 студентов из Пекина для ознакомительной экскурсии в Маньчжоу-Го, затем они отправятся в Японию [2, л. 44]. Обычно на таких экскурсиях китайцам рассказывали о том, как бы они могли жить в Маньчжоу-Го. Рассказывали о возможности ехать учиться в саму Японию.

В большинстве школ в основном преподавали японские учителя. Многие критики японского строя в Маньчжурии пишут о том, что все японцы презрительно относились к китайцам и были безжалостны. Однако та же самая китайка вспоминает, что в их школе преподавала японская учительница госпожа Танака, которая очень хорошо относилась ко всем детям, и китайцы ее любили. Однажды на общешкольной линейке была наказана одна китайка за провинность, и госпожа Танака не смогла сдержать слез.

Когда положение японцев в Китае стало критическим, местное население начало расправу. Однако человеческие отношения, доброта, дружба оставались превыше всего, невзирая на национальность. Та японская учительница, госпожа Танака, тоже оказалась в опасности, поэтому семья китайки спрятала ее у себя дома [11, с. 163].

В отношениях простых людей не играл большой роли. Нередкими были примеры дружбы между китайскими и японскими семьями. «К 1940 г. в Цзиньчжоу было около 15 тыс. японцев. Японцы жили в доме по соседству, и бабушка относилась к ним дружелюбно. Глава семьи служил чиновником. Каждое утро, когда он на рикше отправлялся в свою контору, жена и трое детей провожали его с поклонами. Затем жена принималась за работу – скатывала угольную пыль в шарики для топки. По причинам, непонятым бабушке и маме, она всегда при этом надевала белые перчатки, которые мгновенно пачкались. Японка почти не видела своего мужа и чувствовала себя одинокой. Она часто заходила к бабушке и приносила с собой sake, а бабушка готовила какую-нибудь закуску, вроде соленых овощей в соевом соусе. Бабушка немного говорила по-японски, а японка – по-китайски. Они напевали песни и, расчувствовавшись, вместе плакали. Нередко они помогали друг другу в саду» [11, с. 178].

Как бы кто ни отзывался о проводимой Японией политике в Маньчжоу-Го, однако очевидно, что японцы внесли большой вклад в развитие Китая. Так, один из их учителей в Маньчжурии, которому не было резона приукрашивать события, вспоминал: «Везде, где бы ни появлялись японцы, устанавливался полицейско-жандармский строй. Проводились шоссе, устраивалось телеграфное и телефонное сообщение» [6, с. 181]. Действительно, японцы практически заново отстроили инфраструктуру Маньчжурии: проложили дороги, построили новые помещения для школ, отремонтировали старые, провели телефонное и телеграфное сообщение и т. д.

Стоит только вспомнить, что было в Китае за 20 лет до прихода японцев. Русские врачи, которые спасали китайцев от эпидемии бубонной чумы (1911 г.), так описывают условия их жизни: «Пригород Харбина – Фуцзянь, откуда в октябре 1910 г. началась эпидемия, представлял собой типичное китайское поселение с узкими улочками, глинобитными домами-фанзами, битком набитыми хозяевами и постояльцами из ближайших селений. Иногда в одной фанзе проживали несколько семей, состоявших каждая по 8–10 чел. Спали вповалку на кане или полу, укрывшись одним одеялом, пищу варили здесь же, где и спали, посуду не мыли. Белье стирали изредка, мылись редко, без мыла. Обувь и одежду, как правило, меняли лишь тогда, когда она полностью изнашивалась и из-за своей ветхости не могла прикрывать тело. Стены и пол фанз были изъедены крысами; жилища и одежда их обитателей кишели насекомыми. Население мало что знало о санитарии и гигиене и не верило в европейскую медицину, предпочитая лечиться у знахарей. Китайский обычай обязательно хоронить покойника на родине приводил к тому, что труп долгое время хранился в жилом помещении или вблизи жилища, источая ужасающий запах, распространяя микробы» [4, с. 133]. Так удручающе выглядела жизнь китайцев. Японцы взяли на себя миссию по приобщению населения Поднебесной к чистоте, порядку, культуре.

Страна восходящего солнца стремилась развивать контакты со всеми соседними странами через учебные заведения. В Маньчжурии в 1922 г. был открыт японо-русский институт, основанный правительством Японии, где японцы изучали русский язык. С. Ильин – один из русских учителей-эмигрантов – рассказал об этом институте в своих воспоминаниях. Обучение в Институте занимало три года. На каждом курсе было около 30 молодых японцев, окончивших среднюю школу в Японии. Лекторами в этом вузе были как белые эмигранты, так и советские граждане, а также японцы. Директором института был японец Танака. Кроме русского языка, преподавали монгольский, английский и французский.

С. Ильин писал: «В младшем классе преподавание начиналось с азбуки, а для старших я обычно выбирал отрывки из рассказов наших классиков – Толстого, Тургенева, Пушкина. В наше преподавание никто не вмешивался. Почти за 3 года, что я преподавал, ко мне в класс, единственный раз, зашел проф. Симидзу, посидел минут десять и ушел. Когда я его после урока спросил: – “Ну, как?” – он ответил: – “Ничего, ничего!”. Этим все и ограничилось» [6, с. 183].

Японская студенческая аудитория была совершенно не схожа с русской. С. Ильин описывает ее так: «Было трудно привыкнуть к японской аудитории. Входишь в класс, студенты с каменными лицами, без всякого выражения, молча встают. Форма японских студентов – черная, глухая куртка, с металлическими пуговицами и такие же брюки. – “Здравствуйте, – говорю я, – садитесь...”. Японцы молча садятся. На младшем курсе, после того как азбука была выучена и ученики могли читать по складам, я, объясняя значение того или другого предмета, рисовал этот предмет мелом на доске. Это японцам чрезвычайно нравилось. На старшем же я вызывал студента и он читал какой-

нибудь отрывок в 10–12 строк, после чего я просил его рассказать. Меня очень поразило вначале, что студент без запинки передавал отрывок слово в слово с текстом! Если же я начинал спрашивать вразбивку и задавать вопросы, составляя фразы из слов рассказа, то оказывалось, что студент ничего понять не может. Секрет скоро был открыт – они вызубривали отрывки наизусть» [6, с. 185].

В этом институте японцы не только изучали иностранный язык, но и пытались понять культуру чужой страны через постановку спектаклей, в которых сами же и участвовали. Обычно спектакли ставили на новогодние праздники или перед выпуском. Из русских пьес японцы в основном выбирали сюжеты из казачьего быта по Гоголю. С. Ильин так описал увиденное: «Вообще казаки пленяли воображение японцев. Нужно было видеть собственными глазами, чтобы представить себе весь комизм, когда на сцене появлялись низкорослые “казаки” с желтыми лицами, раскосыми глазами, с черными, как смоль, длинными висячими, приклеенными усами, в каких-то экзотических куртках, долженствующих изображать «свитки», в широчайших шароварах, на которых были нашиты пунцовые лампасы и на ногах краги – гармоникой» [6, с. 187].

Русскому белому эмигранту, должно быть, было комично смотреть такие постановки, но, на наш взгляд, японцы восхищались подвигам казаков, хотели быть такими же храбрыми, бесстрашными, как казаки, поэтому и ставили такие спектакли. Это говорит еще и о том, что руководство института пыталось приобщить молодых японцев к русской литературе.

Японцы славятся своим серьезным отношением к работе и к учебе. Они, как любой народ, любят потешить свое самолюбие, а русский учитель С. Ильин не упускал возможности дать им сделать это. Он вспоминал: «Както, на старшем курсе, я надумал задать студентам написать сочинение. Я сказал им, чтобы каждый написал какую-нибудь японскую легенду. Срок я определил в неделю. Поначалу студенты пытались меня обмануть. Лишь четыре из них написали довольно сносно оригинальные легенды, остальные бегали по городу, где-то раскопали японские сказки и их начисто списали. Все это было проделано столь наивно, что я сразу же это увидел. Когда я тут же, в классе, уличил их в списывании, они долго вбирали воздух, извинялись, говорили, что не поняли, что именно мне надо. Я предложил написать снова. И вот около 30 японских “сказаний” я получил. Большинство было написано едва понятным русским языком, но некоторые были вполне грамотны. Я отобрал 21 сказание, тщательно обработал их и издал в количестве 1 тыс. экземпляров. Книжки быстро разошлись, в основном, среди японцев» [6, с. 189].

Описания учебного заведения, в котором учились китайцы, и японского института имеют ряд схожих черт. Там и там основной упор делался на изучение культуры других стран, китайские школьники приобщались к культуре Японии, японские – к культурам России, Монголии и т. п.

В Маньчжурии проживали не только японцы и китайцы, там была достаточно большая русская община. Японцы не упускали ее из вида. В сферу влияния общества «Кио-ва-кай» попадали абсолютно все диаспоры, в том числе и русская. Японцы пытались абсолютно до всех донести свои идеалы,

специально для каждой общины они издавали брошюры, где растолковывали принципы, по которым они хотят строить государство пяти народов. Русскому населению были адресованы книги японских авторов на русском языке: «Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го», «Русско-ниппонский спутник» М. Мацубара. Ежемесячно выпускалось в среднем три книги по 100 страниц каждая или несколько брошюр с таким же суммарным объемом, разъясняющих суть японской военно-политической доктрины в Азии и проблемы развития Маньчжоу-Го и Японии. Вместе с тем издавалась детская и картографическая литература, беллетристика. Специальные издания готовились ко Дню провозглашения Маньчжоу-Го и Дню русской культуры. К годовщинам войны за «Великую Восточную Азию» выпускались специальные листовки, брошюры, плакаты, альбомы [7, с. 100].

Русская община также пыталась изучать страну, в которой проживала. Прежде всего это касалось японского и китайского языков. Существовало специальное «Акционерное общество Чурин и Ко», которое выпускало главным образом учебники японского и китайского языков. Эти учебники пользовались немалым спросом среди русских. Существовали даже словари по медицинской терминологии на китайском языке с русским переводом.

Государственная политика в Маньчжоу-Го в области издательского дела была направлена на строгий контроль над расходом бумаги; к изданию допускались произведения только после специального ознакомления. 15 января 1941 г. в Синьцзине было создано Общество издательств Маньчжоу-Го, в которое вошли все издатели. Общество должно было стать проводником издательской политики государства. Правительством Маньчжоу-Го было создано также «Акционерное общество по изданию и снабжению книгами», занимавшееся поставкой японских изданий в Китай.

Среди культурных развлечений в Маньчжурии был театр и, конечно, кино. Кроме того, были традиционные праздники, которые сопровождались особым церемониалом. Японское и китайское население также любило ходить на пикники. С. Ильин: «В конце большого проспекта был небольшой парк, где летом устраивались японские семейные пикники, и один пруд. В этом пруду, как гласила инструкция, прибитая на столбе на японском языке, китайцам купаться запрещалось, европейцы же должны были надевать купальные костюмы, японцы могли купаться голыми. На этом пруду ежегодно 14 мая сжигался макет броненосца из картона и планок, на корме которого развевался Андреевский флаг. Тысячная толпа японцев, все в кимоно, стояла на пригорке в гробовом молчании, – японская толпа очень дисциплинирована, – наблюдая за “гибелью русского флота у Цусимы”. В этот день такая же церемония происходила по всей Японии. Когда “броненосец” с флагами полностью догорал и от Андреевского флага на воде оставался пепел, раздавался истошный вой “банзай” (что значит «десять тысяч лет») и толпа медленно расходилась» [6, с. 186].

Японцы заботились о том, какое впечатление остается у иностранцев после посещения Маньчжурии. С. Ильину как-то поручили расспрашивать иностранцев, путешествующих по Маньчжурии по железной дороге, о том, как

они относятся к Японии и какое впечатление на них произвела Маньчжурия. Иностранцы в основном были в восторге, и обычно говорили, что хотят посетить и Японию. В Чань-Чуне был японский театр, который любили посещать приезжие и местная интеллигенция. Кинотеатры были более популярны среди населения. Однако до прихода японцев их было очень мало.

Китайская кинематография производила фильмы, предназначенные, как правило, только для китайцев. Достаточно сказать, что количество кинотеатров в Китае никогда, вплоть до 1945 г., не превышало 300, причем еще в 1936 г. половина этих кинотеатров демонстрировали немые фильмы (речь идет о юго-западном Китае, а не о Маньчжурии). Художественный уровень китайской кинопродукции был невысоким. В немую эпоху в Китае на экранах появилось около 300 полнометражных фильмов: почти все они были сделаны шанхайскими киностудиями. Полтора десятка фильмов было выпущено студиями в Пекине и Сингапуре. В начале 30-х гг. появился звук, но лишь немногие предприятия могли пойти на расходы по техническому переоборудованию. В 1934 г. был выпущен 101 художественный фильм, в 1936 г. – 200 (включая несколько короткометражек). Количество действующих киностудий колебалось между 50 и 60. До 1936 г. Шанхай продолжал оставаться главным центром кинематографической деятельности [10, с. 259].

Основной трудностью, с которой не смог до конца справиться китайский кинематограф, – проблема языкового барьера. В Шанхае актеры, выступающие перед камерой, говорили на литературном языке – так называемом мандаринском, который звучал совершенно непонятно для населения Юга, пользующегося кантонским диалектом. Чтобы как-то выйти из тупика, продюсеры еще в 1936 г. выпускали немые фильмы, отчасти и потому, что лишь одна треть кинотеатров была оборудована звуковой аппаратурой.

Японцы, занимая города, в которых находились киностудии и лаборатории, пускали в ход так скоро, насколько это было возможно, собственное либо контролируемое ими производство фильмов. Прокатом китайских фильмов занималась японская фирма, специально созданная для этой цели. В общей сложности за период оккупации было произведено свыше 300 китайских картин, поставленных под руководством японцев. Это были картины без каких бы то ни было художественных притязаний, сугубо развлекательного характера. Демонстрировались они на территории Китая в 250 кинотеатрах и, кроме того, в других оккупированных японцами странах Азии [10, с. 259].

Интереснее оказались японские фильмы, поставленные при участии китайских режиссеров и актеров. Снималась в них преимущественно звезда из Маньчжоу-го Ли Сян-лан, она же Шерли (Йосико) Ямагути. В «Песне белой орхидеи» (1939, режиссер Кунио Ватанабэ) она играла маньчжурскую девушку, в которую влюблен японский поселенец; в «Клятве в пустыне» (1941, режиссер Ватанабэ) Ямагути выступала в роли китайки – возлюбленной японского инженера, убитого коммунистами; в «Сражающейся улице» (1942, режиссер Кенкити Хара) – китайской актрисы; а в «Колоколе из Сайона» (1943, режиссер Хироси Шимичу) Ямагути играла молодую девушку с Тайваня. Интересным примером методов японской пропаганды был фильм «Ки-

тайская ночь» (1940) режиссера Осамы Фушимидзу. В этом фильме было три финала. История любви офицера японского военно-морского флота и китайской сироты, жертвы войны, завершалась: для японцев – браком, после которого происходит трагедия – офицер гибнет в бою, а его жена, узнав об этом, совершает самоубийство; для китайцев – молодая пара живет долго и счастливо; для жителей Восточной Азии – известие о смерти офицера оказывается ложным, и он вовремя возвращается и не дает жене покончить с собой. Японский финал был согласован с условностями, принятыми в японских военных фильмах, китайская версия носила успокоительно оптимистический характер, третий финал – героически-оптимистический характер [10, с. 262].

Разумеется, Маньчжурская киностудия и сама выпускала фильмы. Газета «Мансю – Нити-Нити» писала, что Маньчжурская кинокомпания решила снять великую кинокартину, озаглавленную «Чингисхан». Ее создание должно было быть приурочено к 2600-летию Японской империи. Этой работе оказывала содействие «Центральная китайская киностудия» [2, л. 90].

Население Маньчжурии могло смотреть и зарубежные фильмы. По данным телеграфного агентства «Кокуцу», в 1939 г. Маньчжурская кинематографическая компания успешно занималась переговорами о прокате немецких фильмов в Маньчжоу-Го, Китае, Японии. В апреле 1939 г. в Маньчжоу-Го планировалось доставить свыше 30 германских кинофильмов, в том числе крупные произведения. Эти фильмы должны были демонстрироваться на экранах с августа–сентября этого года [1, л. 23]. Кроме того, маньчжурскому зрителю была предоставлена возможность смотреть американские фильмы. В 1939 г. восемь крупнейших американских обществ по показу фильмов, имеющих отделения в Токио, согласились поставлять свою продукцию в Маньчжоу-Го. Это означало, что императорская квота, установленная правительством Японии, распространялась и на Маньчжоу-Го. И те американские фильмы, которые смотрели в Токио и Осаке, могло смотреть и население Маньчжурии [2, л. 16].

Маньчжурская кинематография была полностью под контролем японцев. Все фильмы снимались на деньги японцев, однако актерами обычно были и японцы, и китайцы, что должно было подчеркнуть формальное равенство народов.

Таким образом, колониальная политика Японии в Маньчжурии в культурной сфере была направлена на формирование «правильных» взглядов молодых китайцев. Маньчжурия оказалась под властью Страны восходящего солнца, была подвергнута насильственной модернизации и преобразованиям. Однако японцы привнесли значительный вклад в культурное развитие Маньчжурии. С их приходом китайские дети в обязательном порядке должны были ходить в школу, изучать японский язык, читать литературу. Японцы сами тоже были открыты для обучения, что свидетельствует об их больших планах и широком мировоззрении. Японцы любят вникать (исследовать) в культуры разных народов, чтобы понравившееся потом использовать во благо у себя на родине. А то, к чему они пришли сами, своим непосильным трудом, они использовали в Маньчжурии. Это касается их познаний в строительстве, архи-

текстуре, медицине. Со времен японской кампании в Маньчжурии прошло более 60 лет. Обычно спустя такое время происходит переоценка прошлых событий, появляются новые данные, точки зрения, факты. Так происходит и с историей Второй мировой войны, относительно оценок которой у каждой страны своя позиция. На наш взгляд, настало время переоценить японскую кампанию в Маньчжурии, открыть доступ к архивным документам, имеющимся в Китае.

1. Архив внешней политики РФ. Ф. 0146. Оп. 22. Д. 29. П. 60. Л. 23.
2. Архив внешней политики РФ. Ф. 146. Оп. 22. Д. 86. П. 60. ЛЛ. 16, 34, 44, 90.
3. *Белоглазов Г. П.* Жертвы «черной смерти» (к 100-тию подвига русских врачей в Маньчжурии // Ойкумена. – 2011. – № 1132. – С. 132–136.
4. *Белоусов С.* Дважды перевербован // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 6. – С. 161–189.
5. Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. – Харбин : Гос. организация Кио-ва-кай и Главное Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжурской Империи, 1942. – 422 с.
6. *Ильин С.* На службе у японцев // Новый журнал. – Нью Йорк, 1947. – № 24. – С. 179–203.
7. *Кузнецова Т. В.* Русская книга в Китае. (1917–1945 гг.) / Т. В. Кузнецова. – Хабаровск, 2003. – 250 с.
8. *Мещеряков А. Н.* Книга японских символов. Книга японских обыкновений / А. Н. Мещеряков. – М., 560 с.
9. *Пу И.* Первая половина моей жизни (воспоминания последнего императора Китая) / И. Пу. – М., 1968. – 413 с.
10. *Теплиц Ежи.* История киноискусства 1939–1945 гг. Т. 4 / Ежи Теплиц. – М., 1974. – 315 с.
11. *Чжан Юн.* Дикае лебеди / Юн Чжан. – М. : Изд-во И. Д. Лимбаха, 2008.

Cultural Transformation of the Japanese in Manchuria: Contemporaries' Evidence

V. M. Fomenko

Irkutsk State University, Irkutsk

The article is devoted to the colonial policy of Japan in Manchukuo in the field of culture (1932–1945 gg.). Based on the eyewitnesses' memoirs, it points out transformations which have been made by the Japanese in education, cinematography and medicine.

Key words: Manchukuo, Japanese colonial policy, education, cinematography.

Фоменко Вера Михайловна – аспирант кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, тел. 89500610029, e-mail: faith.88@mail.ru

Fomenko Vera Mihailovna – Postgraduate student of the Department of World History, the Irkutsk State University, 664003, Karl Marx St., 1, phone 89500610029, e-mail: faith.88@mail.ru